

УДК 94(47)

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-3-149-178

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ: ОТ ОБРАЗОВАНИЯ ДО РАСПАДА (МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА-ПРЕЗЕНТАЦИИ В ЦЕНТРЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ, МОСКВА, 19 ДЕКАБРЯ 2022 Г. ЧАСТЬ 2¹)

**Маслов Д. В.¹, Курапова Е. Р.², Ефременко В. В.³, Заец Д. В.³, Учаев А. Н.⁴,
Шалаева Н. В.⁵, Гижов В. А.⁵**

¹ Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

² Российский государственный архив экономики

119435, г. Москва, ул. Б. Пироговская, д. 17, Российская Федерация

³ МИРЭА – Российский технологический университет

119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 78, Российская Федерация

⁴ Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А.

410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77, Российская Федерация

⁵ Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии

и инженерии имени Н. И. Вавилова

410012, г. Саратов, пр-т им. Петра Столыпина зд. 4, стр. 3.

Аннотация

Цель. В контексте всей истории СССР проанализировать некоторые ключевые факторы, повлиявшие на эволюцию советского государства от его образования до распада.

Процедуры и методы. Представленные материалы основаны на экспертных оценках генезиса и значимости ряда ключевых факторов динамики Советского Союза. В рамках системного анализа изучены обстоятельства реализации указанных факторов по сферам общественной жизни.

Результаты. Констатировано отсутствие предопределённости распада СССР. Изученные факторы эволюции Советского Союза необходимо рассматривать в русле конкретно-исторического подхода, учитывая изменения в политике Коммунистической партии. На финальном этапе истории СССР его руководство не смогло дать адекватных ответов на новые вызовы модернизации, что содействовало краху СССР.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты проведённого анализа могут быть использованы для выработки более глубокого представления о причинах распада СССР и использования его опыта для предотвращения в будущем подобных катаклизмов. Представленные материалы будут полезны и в преподавательской деятельности по социально-гуманитарным дисциплинам.

Ключевые слова: СССР, распад, советский, кризис, реформы, причины

© Маслов Д. В., Курапова Е. Р., Ефременко В. В., Заец Д. В., Учаев А. Н., Шалаева Н. В.5, Гижов В. А., 2023.

¹ См. Часть I: Журавлёв В. В., Лазарева Л. Н., Суханова Н. И. Советский Союз: от образования до распада (материалы Круглого стола-презентации в Центре социально-политической истории, Москва, 19 декабря 2022 года. Часть 1) // Вестник Московского государственного областного педагогического университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 1. С. 6–21.

THE SOVIET UNION: ON THE WAY TO DISINTEGRATION (MATERIALS OF THE ROUND TABLE PRESENTATION AT THE CENTER FOR SOCIO-POLITICAL HISTORY, MOSCOW, DECEMBER 19, 2022). PART 2

D. Maslov¹, E. Kurapova², V. Efremenko³, D. Zaets³, A. Uchaev⁴, N. Shalaeva⁵, V. Gizhov⁵

¹ State University of Education

ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

² Russian State Archive of Economics

Pirogovskaya ul. 17 B, Moscow 119435, Russian Federation

³ MIREA – Russian Technological University

pr-t Vernadskogo 78, Moscow 119454, Russian Federation

⁴ Saratov State Technical University named after Yu. A. Gagarin

Politechnicheskaya ul. 77, Saratov 410054, Russian Federation

⁵ Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering named after N. I. Vavilov

pr-t im. Petra Stolypina 4-3, Saratov 410012, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze some key factors that influenced the evolution of the Soviet state from its formation to its collapse in the context of the entire history of the USSR.

Methodology. The presented materials are based on expert assessments of the genesis and significance of a number of key factors in the dynamics of the Soviet Union. As part of the system analysis, the circumstances of the implementation of these factors in the spheres of public life are studied.

Results. The authors of the presented materials stated the absence of predetermination of the collapse of the USSR. The studied factors of the evolution of the Soviet Union should be considered in line with concrete historical approach, taking into account the changes in the policy of the Communist Party. At the final stage of the history of the USSR, its leadership could not give adequate answers to the new challenges of modernization, which contributed to the collapse of the USSR.

Research implications. The results of the analysis can be used to develop a deeper understanding of the causes of the collapse of the USSR and implementing its experience to prevent similar cataclysms in the future. The presented materials can also be used in teaching social and humanitarian disciplines.

Keywords: USSR, collapse, Soviet, crisis, reforms, causes

Маслов Д. В.

Политические факторы распада СССР: роль КПСС¹

В научной литературе и публицистике политические факторы традиционно называются одними из решающих в процессе дезинтеграции СССР. И на то есть серьёзные причины. В советский период официальная идеология и во многом основанное на ней общественное ис-

ходили из решающей роли КПСС и государства в целом во всех протекающих в обществе процессах. Очевидность данного тезиса даже на эмпирическом уровне выступала как аксиома. Естественно, что изучая распад СССР, исследователи в первую очередь обращались именно к политическим факторам [25].

На уровне общественного сознания приоритет таких факторов объясним присущей многим советским людям верой во всемогущество правителей и правящих элит. Причём такая вера вполне оживается с периодически исходящей от

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43005.

рядовых граждан острой критикой власти предрешающей.

Итак, в силу указанных причин политическим факторам (внутриполитическим и внешнеполитическим) будет уделено самое пристальное внимание. Осмысление факторов проводилось и по линии их разделения на объективные и субъективные. Не имея возможности рассмотреть в данном материале все эти факторы, сосредоточим внимание на факторах внутриполитических. Проведём ревизию методологического арсенала, используемого в изучении причин распада Советского Союза.

Принципиальный подход, определяющий один из аспектов научной новизны данной работы, заключался в том, чтобы представить те или иные факторы не в «готовом» виде, а в их историческом развитии на протяжении всего советского периода. Была изучена методология исследования базовых политических институтов и учреждений СССР: лидерства, КПСС, политических элит, Советов, официальной идеологии, силовых структур.

Борьба по политическим аспектам проектов создания союзного государства не обделена вниманием как советской, так и современной историографии [1]. Но вопрос о том, в какой мере возникшие в 1922 г. политические институты укрепляли единство нового государства – Советского Союза – ещё требует осмысления. В советской исторической науке объективному изучению вопроса препятствовал тезис о руководящей роли партии большевиков. В наше время лишнее упоминание о компартии нередко рассматривается как атавизм [1, с. 341]. Тем не менее документы убедительно свидетельствуют, что именно партия большевиков стала тем стержнем, вокруг которого создавалось союзное государство. ЦК РКП(б) и его Политбюро явились структурами, предварительно рассматривавшими и предлагавшими решения всех ключевых вопросов объединительного процесса [24; 25].

Важен вопрос, почему на решающем для советского государства этапе горбачёвской перестройки КПСС не сыграла интегрирующей роли. Тем более, как отмечается в литературе, «став правящей, партия заложила основы и выстроила Союз Советских Социалистических Республик, историческое время которого закончилось одновременно с КПСС» [14, с. 556].

С. В. Журавлёв считает, что «двумя главными составляющими (подсистемами) советской политической модели были Советы и КПСС» [10]. Содержание роли КПСС в изучаемом процессе и механизмы её (роли) реализации трактуются по-разному.

Первая объяснительная модель: КПСС отстала от революционной перестройки советского общества, стала консервативным тормозом социальных перемен и, не сумев перестроиться, не выполнила свою задачу укрепления и сохранения советского государства. Такую позицию занимал, в частности, М. С. Горбачёв. В более широком контексте всей советской истории такую позицию занимают и авторы «Истории Коммунистической партии Советского Союза»: «во все времена характерной чертой КПСС была её низкая степень политической реформируемости: мешал догматизм в теории и консерватизм в политике. Одна из главных причин этого состояла в том, что с годами значительно затормозилось кадровое омолаживание партии» [14, с. 34]. Правда, в годы перестройки официально был объявлен отход партии от догматизма и консерватизма, обновление её кадров, но, как считает опытный партаппаратчик Л. А. Оников, реальных изменений в этой сфере не произошло [27].

Вторая позиция (Е. К. Лигачёва, В. И. Воротникова и др.) базируется на том, что КПСС, наоборот, была разрушена непродуманными горбачёвскими новациями, оказалась расколота, перестала быть стержнем советской политической системы и тем самым лишилась возмож-

ности удержать единое государство от распада. «Организационно сталинская модель партии (пусть и с трансформациями), скорее, похожая на «орден меченосцев», не выдержала преобразований на пути демократизации и распалась под воздействием реформ», – утверждают авторы современной «Истории КПСС» [14, с. 412].

На сегодняшний день КПСС как управленческий механизм чаще всего представлена в историографии как власть Политбюро, Секретариата ЦК КПСС и партийного аппарата, а в ряде случаев и секретарей региональных парторганизаций, чьи позиции представляли пленумы ЦК [3, с. 199–267]; основная масса рядовых коммунистов даже в годы перестройки так и не получила возможность влиять на политику своей партии [11; 27].

Сосредоточимся на освещении эволюции данных институтов в контексте задачи сохранения государственного единства.

Сравнение указанных выше моделей показывает принципиальное расхождение в оценке сущности произошедшего с Коммунистической партией СССР в годы перестройки. При этом совпадают выводы: КПСС не справилась со своей задачей сохранения союзного государства. Общепризнанно, что КПСС не уберегла СССР от распада, но вопрос, почему так получилось, остаётся дискуссионным.

Рассмотрим методологические основания представленных позиций.

1. *КПСС реформировать не удалось.* Эту мысль категорично выразил бывший сотрудник аппарата ЦК КПСС Л. А. Оников: «Горбачёв привёл пусть к тяжёлым, но всё же к положительным изменениям в стране, а партия осталась первоизданной. Она не могла не рухнуть, т. к. в партии не изменилось ничего, это была сталинская конструкция»¹. Ни в начале

перестройки, ни позднее реформаторами так и не были конкретизированы задачи по реформированию КПСС. Можно, конечно, понять реформаторов, которые не имели готовых рецептов на все случаи. Но следует согласиться с исследователями и мемуаристами, полагающими, что именно в невнятности поставленных перед партией задач в связи с реформированием советского общества и кроется одна из причин того, что сама КПСС так и не «перестроилась» и в итоге не смогла стать надёжной опорой падающего государства.

2. *Сломать тоталитарный режим в СССР можно было лишь через тоталитарную партию.* Эту версию нерезформированности КПСС в годы перестройки выдвинул Н. И. Рыжков, взяв за основу мысль А. Н. Яковлева, озвученную им в СМИ через несколько лет после окончания перестройки, что через тоталитарный характер КПСС, выражавшийся «как в организованности, так и в дисциплине и послушании» был бы сломлен и тоталитарный режим [39, с. 134]. Яковлев рассматривал эту идею как хитрый тактический ход, который в своё время приходилось скрывать. Рыжков усматривает в этом плане инициативу не только Яковлева, но и Горбачёва и «их единомышленников», что придаёт такому тайному сговору против партии масштабность и в какой-то мере, очевидно, призвано снять ответственность с остальных руководителей партии и государства. Попытки же горбачёвской команды изменить роль партии в ходе политической реформы ряд авторов считают фиктивными.

И. Д. Лаптев (на тот момент главный редактор газеты «Известия») рассказывал, как А. Н. Яковлев накануне конференции втолковывал ему суть совмещения постов: первые секретари парткомов, став и руководителями Советов, будут нести ответственность за принятые ими же решения. И тем самым партия будет «безболезненно и незаметно отодвинута от непосредственного руководства

¹ Оников Л. А. Аппарат ЦК КПСС. Взгляд изнутри. Сталин наконец-то умер // Аргументы и факты: [сайт]. URL: <https://aif.ru/archive/1654075> (дата обращения: 23.06.2021).

хозяйством... Советы наконец действительно станут властью». Но в отличие от Рыжкова, усматривающего в действиях Яковлева хитроумный план, Лаптев расценил эту идею как наивную, т. к. против неё восстали не отдельные партсекретари (как ожидалось), а вся система [21, с. 75].

Впоследствии Горбачёв найдёт объяснения этой задумке, но источники свидетельствуют, что в тот период, когда инициатива была озвучена, она вызвала только недоумение и ропот у немалого числа партийных руководителей среднего звена.

Вместе с тем сторонники позиции нерестроированности партии вынуждены признать как минимум одну её реформу, проведённую на последнем XXVIII съезде КПСС в 1990 г. – переход от принципа демократического централизма к федерализации партии путём формирования её Политбюро из первых секретарей республиканских компартий. По мнению Н. И. Рыжкова, такая мера стала «сильным импульсом к быстро развивающемуся сепаратизму республик», произошло «расчленение партии по национально-территориальному принципу» [39, с. 139]. С этим согласен и историк А. С. Барсенков [2, с. 80].

Однако даже те исследователи, которые отмечали нерестроированность партии, фактически признавали происходившие в ней изменения после прихода к власти М. С. Горбачёва. Главные из них состояли, по мнению В. И. Болдина, в умалении роли Политбюро и Секретариата ЦК и, наоборот, усилении роли генсека. Горбачёв обрёл контроль над составом ЦК КПСС, который несколько раз обновлялся, да ещё и по просьбам самих членов ЦК [3, с. 157, 195–196, 217–218]. Болдин, возглавлявший Общий отдел ЦК и хорошо представляющий «партийную кухню», считает, что с 1989 г. Секретариат ЦК из влиятельного органа превратился в «дискуссионный клуб». Болдин упоминает о ситуациях, когда Секретариат утверждал одну кандида-

туру в должности регионального партсекретаря, а на местах выбирали другую [3, с. 209]. Агония ПБ стала очевидной после XXVIII съезда КПСС, когда этот орган месяцами не созывался, а из его повестки изымались ключевые вопросы – не обсуждались даже проблемы партийной жизни [3, с. 223–224, 241–242]. По мнению Л. Оникова, с самого начала перестройки саботаж идеи демократизации партии верхушкой двух ключевых отделов ЦК КПСС – Общего и Орготдела – явился главной причиной краха КПСС [27, с. 92].

Очевидно, что подобные явления не просто ослабляли руководящие партийные органы, а снижали способность КПСС быть укрепляющим государственное единство институтом власти. Обратим внимание и на то, что роль ПБ и Секретариата ЦК особенно явно упала в 1991 г., решающем с точки зрения государственного единства.

В критические моменты перестройки сложилась ситуация безвластия, приведшая к трагедии и, в конечном счёте, содействовавшая распаду СССР.

Получается, что авторитет генсека в годы перестройки стал препятствием на пути тех деятелей партийного руководства, кто не был согласен с подобными методами реформирования партии. Следовательно, сам механизм принятия решений в высшем партийном руководстве может рассматриваться в контексте сохранения партией своей охранительной роли в отношении СССР.

Не сыграли свою роль, цементирующую государство и партию, и Пленумы ЦК, на которых была представлена в основном региональная партийная элита. Это может показаться удивительным, т. к. к концу перестройки в составе этого элемента партии было немало тех, кто усматривал в действиях (и бездействии) генсека развал страны. Эту загадку разъясняет В. И. Болдин, раскрывающий остроумный политический приём Горбачёва: непосредственно перед Пленума-

ми генсек проводил совещания с региональными партсекретарями, на которых последним давалась неограниченная свобода критиковать Горбачёва, но зато на Пленуме критики уже сидели тихо, выпустив «пар». Поэтому стенограммы Пленумов ЦК 1990–1991 гг. (в самый критический для государства период) в полной мере не передают накала политической борьбы в партийном руководстве [3, с. 247]. Это полезная информация в плане методов изучения источников по истории партии.

Однако дело не только в ходе обсуждения на подобных мероприятиях, но и в принятых на них решениях. В. И. Воротников на примере сентябрьского Пленума ЦК КПСС (1989 г.) по острейшему вопросу – национальному – показывает, что его решения не только не снизили напряжение в данном вопросе, но и явились «стимулом и катализатором» дальнейшего нарастания сепаратизма и национализма в большинстве республик [4, с. 190]. Методологически важный момент здесь заключается в том, что исследование сюжета о роли КПСС в распаде СССР переходит в иную плоскость – из инструмента охранительного по отношению к единому государству партия в процессе перестройки эволюционирует в механизм, содействующий сепаратизму!

Естественно, у исследователей не мог не возникнуть вопрос, почему более решительно не выступила та часть партийного руководства, которая ещё до распада СССР и запрета КПСС поняла, к чему идёт дело. Многих поражала апатия и безропотность, с которой консервативная оппозиция в руководстве партии «проглатывала» очередные новации генсека. Хорошо знавший «повадки» этой публики Болдин не может дать иного объяснения, кроме указания на неспособность антигорбачёвцев изменить что-то при данном генсеке – «многие просто ждали, когда кончится их время» [4, с. 250].

В интервью журналисту незадолго до своей смерти Е. К. Лигачёв поведал о

своих безуспешных попытках подговорить высокопоставленных партийцев на смещение М. С. Горбачёва¹. Никто не откликнулся!

Н. И. Рыжков рассказал о другой истории: в 1990 г. среди не названных им «руководителей партии» возникла идея переместить Горбачёва на пост председателя КПСС с ограниченными полномочиями и избрать нового генсека. Горбачёв, поначалу согласившийся с предложением, через несколько дней от него отказался [39, с. 135].

Открытые «бунты» против генсека на последних пленумах ЦК КПСС тоже показательны, что они никогда не доходились до реальных действий по отстранению Горбачёва от высшей партийной власти².

Мемуаристы признают горькую для КПСС правду: кадровая политика партии привела к тому, что в руководство этой структуры отбирались люди нередко безынициативные, неспособные в критических обстоятельствах брать на себя ответственность. И это в условиях, когда гласность и демократизация давали дополнительные возможности критиковать лидера и его курс без особо тяжких для себя последствий.

В качестве другой причины безропотности партийных руководителей первый секретарь Московского горкома партии в 1989–1991 гг. Ю. А. Прокофьев называет боязнь утратить имеющиеся привилегии, которых во многих регионах было, по его сведениям, даже больше, чем в Москве. Впрочем, Прокофьев полагает, партия могла бы не рухнуть и в случае произошедшего предательства её «верхушки»,

¹ Черных Е. «Мое пророчество исполнилось»: Что «враг перестройки» Егор Лигачев говорил о Ельцине, Горбачеве и конце СССР // Комсомольская правда: [сайт]. URL: <https://www.kp.ru/daily/27275/4410019/> https://www.kp.ru/daily/27275/4410019/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 28.03.2023).

² Материалы Пленума Центрального комитета КПСС. 11, 14, 16 марта 1990 г. М.: Политиздат, 1990. С. 41.

но в последние годы в неё был приток значительного числа членов по разнарядке, безыдейных и неспособных защитить свою партию [33; 41].

В литературе приводятся и другие свидетельства того, что в 1991 г. ситуация в КПСС всё же могла измениться. Например, по словам Прокофьева, в апреле того же года активизировались секретари горкомов городов-героев, использовавших под прикрытием мероприятий, связанных с юбилеем начала Великой Отечественной войны, возможность собраться для обсуждения ситуации в стране и в партии. Настрой был антигорбачёвским, решили собираться регулярно [33, с. 115–117]. Но это так и осталось только словами.

Будущий министр ельцинского правительства М. Н. Полторанин в своей книге приводит целый ряд выписок из решений местных комитетов КПСС (территориальных и первичных парторганизаций), направленных телеграммами в Москву (Полторанин насчитал более 10 тыс. таких обращений). Писали руководители парторганизаций из Оренбургской области, Красноярска, Арзамаса-16, Алтайского края, Иркутска, Якутска и т. д. Содержание – одно и то же: выражаем недоверие Горбачёву и Политбюро, требуем их отставки, настаиваем на проведении до ноября внеочередного съезда КПСС [32, с. 171–172].

Осенью 1991 г. вне зависимости от мотивов вдруг возросшей активности парторганизаций в КПСС могли произойти серьёзные перемены, направленные на возвращение партии в реальную политику и восстановление прежних её позиций в советском обществе. Грянувшие в конце лета события – августовский путч – окончательно пресекли все перемены.

М. Н. Полторанин, много размышлявший над массой нестыковок в фактической стороне путча, пришёл к выводу, что ключевой замысел так и неназванных его реальных организаторов состоял именно в том, чтобы получить повод для расправы над КПСС, что было очень за-

труднительно сделать в июле и что прошло беспрепятственно после августа [32, с. 173, 177]. Такого же мнения придерживается и Ю. А. Прокофьев [33, с. 142]. Вывод о прямой связи между созданием ГКЧП и намерением добить КПСС, основанный на очевидных фактах, не выглядит таким уж безосновательным. Но ведь именно с событиями августа 1991 г. многие исследователи и участники связывают фактический конец не только КПСС, но и СССР. Поэтому, даже если ликвидация Компартии и не входила в планы подлинных организаторов августовских событий, такая ликвидация объективно должна быть увязана исследователями с выходом процесса дезинтеграции СССР на финишную прямую.

В литературе есть и другая точка зрения относительно того, что понимать под КПСС. Суть её в том, что реальной властью в партии обладал партийный аппарат, и именно происходившие в нём процессы определяли роль партии в перестройке. И. Д. Лаптев развил эту точку зрения в статье¹, подготовленной по итогам июльского Пленума ЦК КПСС 1991 г. О роли аппарата в партии написано много, и большинство исследователей сходятся в том, что аппарат выполнял не только технические функции, ради чего он и создавался, но мог и предопределить принятие (непринятие) того или иного решения и активно воздействовать на его исполнение. После того как с началом перестройки аппарат подвергся резкой критике, в нём произошли значительные перемены.

В упомянутой статье Лаптев недоумевает, каким образом всеведущий партаппарат проглядел Указ Б. Н. Ельцина о департизации и раскол компартии Литвы. По его мнению, аппарат всё знал, но притворился незнающим для «раскручивания вопроса о создании компартии

¹ Статья подготовлена 26 июля 1991 г., но по ряду причин тогда опубликована не была. Полный её текст приведен в: Лаптев И. Д. Власть без славы. С. 161–172.

РСФСР». Эта акция, осуществлённая в противовес Горбачёву, нанесла самый сильный удар по КПСС за всю её историю и привела к её территориальному расчленению. Лаптев приходит к выводу, что «именно отсутствие официально оформленной российской компартии как раз и было решающим фактором соединения всех республиканских компартий в единую КПСС, а значит – и прочности Советского Союза». С созданием российской компартии фундамент, на котором стоял СССР, рухнул [21; с. 166–168]. Сотрудник аппарата ЦК КПСС Л. Оников также подчёркивал связь между распадом КПСС и распадом СССР, критикуя отечественных и зарубежных исследователей за непонимание этой связи [27, с. 6].

Помощник генсека Г. Шахназаров считал невозможным реформировать КПСС (хотя в своих мемуарах отмечал, что Горбачёв упустил возможность такого реформирования¹). Невозможность эта проявилась в том, что партия была создана для осуществления власти в государстве, и без этих полномочий её существование лишалось всякого смысла [43, с. 253]. В современной литературе много пишется о том, что нельзя было разрушать действующую систему власти в лице КПСС, предварительно не создав другую систему. В этом ключевом следствии политической реформы периода перестройки многие исследователи усматривают одну из главных причин краха СССР, лишившегося властного стержня. Сам М. С. Горбачёв и члены его команды с такой трактовкой важнейшего элемента его реформ не согласны. Г. Х. Шахназаров считал откладывание обновления партийного руководства одним из самых больших просчётов горбачёвской команды. Партию, по его мнению, не удалось реформировать потому, что «никто не собирался этого делать (разве что на словах)» [43, с. 230].

Надежды на создание в годы перестройки параллельного с КПСС центра власти Г. Х. Шахназаров считал утопией. Компартия никогда бы не позволила создать себе конкурента, не сдалась бы без боя в силу инстинкта любой власти к самосохранению. Парадокс горбачёвской политической реформы заключался в том, что для её проведения была необходима абсолютная власть, но сама реформа как раз и была направлена против такой власти [43, с. 12].

Но парадоксы перестройки на этом не заканчиваются. Одним из удивительнейших явлений того времени стал уже не раз приводившийся в литературе факт не просто непротивления, но даже содействия Компартии СССР антикоммунистическим силам. Причём содействия не в силу заблуждения, а вполне сознательного. Поэтому ситуация с КПСС в годы перестройки стала в какой-то мере исключением из законов функционирования власти, выявленных политической наукой. Основными причинами, побудившими компартию к такой специфической активности, в литературе назывались: привычка к партийной дисциплине и вера в непоколебимость своего положения (у партии всегда было «всё под контролем»). Но особо следует обратить внимание на то, что сама система номенклатурного отбора не стимулировала появление в правящей партийной элите руководителей, готовых брать на себя инициативу и ответственность.

Подобные факты со всей очевидностью свидетельствуют о том, что советская однопартийная система имела защитные механизмы лишь до тех пор, пока сама же не начала себя реформировать, упраздняя эти механизмы в ходе политической реформы. Это обстоятельство даёт дополнительные аргументы тем, кто считает, что глубокое реформирование без ущерба для этой системы было невозможно.

При этом в методологическом плане заслуживает внимания мысль того же

¹ Прим.: Подобные противоречия нередки в текстах тех, кто писал о КПСС в годы перестройки.

Г. Х. Шахназарова о бесплодности дискуссий, партия поглотила советское государство или наоборот. Он призвал выйти за пределы круга привычных понятий и признать, что в наших условиях, возможно, впервые в истории была опробована «совершенно новая модель политического устройства», «тотальная идеократия», «гибрид, рождённый брачным союзом Коммунистической партии и Советского государства» [43, с. 20].

Заочно возражая Г. Х. Шахназарову, Н. И. Рыжков в выступлении на Конституционном суде по «делу КПСС» свидетельствовал о 2 этапах преобразования функций партии в годы перестройки:

1. XIX Всесоюзная партконференция начала создание новой структуры госвласти, добровольно отказываясь от места партии на вершине;

2. март 1990 г.: отмена ст. 6 Конституции СССР о руководящей роли КПСС.

На первом этапе идея реформы шла от руководства партии, на втором – от самих коммунистов [39, с. 153–155]. Верховный Совет СССР, образованный летом 1989 г., повторял отраслевые отделы ЦК КПСС, ликвидированные по решению XIX партконференции. Как бывший глава правительства Рыжков засвидетельствовал, что с этого времени Совмин взаимодействовал с ВС и Президентским советом, а не с ЦК КПСС [39, с. 155]. По мнению Рыжкова, перелом в функционировании партии в плане её освобождения от государственных функций произошёл, хотя и не без рецидивов, которые Рыжков рассматривает всё же как исключения. Шахназаров не согласен с Рыжковым и считает, что впервые вопрос о судьбе партии встал в практической плоскости лишь после учреждения поста президента СССР [43, с. 242].

На XXVIII съезде КПСС «прогрессивные силы победили», партия продолжила обновление. Но органы госвласти оказались не готовы взять на себя функции, которые ранее выполняла КПСС. Партия в годы перестройки обновлялась, шла по

пути демократизации, но этот процесс был искусственно прерван к концу перестройки – это уже была «другая партия» [39, с. 152, 156–157]. С такой позицией не согласен М. С. Горбачёв, считавший, что партия так и не передала свои функции Советам, продолжая вмешиваться во все вопросы [7, с. 199].

Рыжков так видит связь кризиса КПСС и распада СССР: «Массированный прессинг на партию, а затем и прекращение её деятельности сняли сдерживающие начала этого разрушительного процесса... партия, имея разветвлённую вертикальную структуру, являлась соединительным элементом всех составных частей Союза» [39, с. 158].

Объяснение того, почему КПСС не смогла сохранить Союз, лежит в плоскости абсурдной, на первый взгляд, деятельности партии по разрушению своей собственной власти. Фактов такого рода в источниках приведено немало. Рассмотрим некоторые из них. Так, при выдвижении делегатов на XIX партконференцию ни первичная организация «Огонька», ни парторганизация Свердловского райкома Москвы не выдвинули кандидатуру В. Коротича. Но Горбачёв лично вмешался и навязал эту кандидатуру пленуму Московского горкома. Также протащили через Карелию отвергнутого Москвой Б. Н. Ельцина [33, с. 98–99]. Редкое заседание Политбюро ЦК КПСС по вопросам гласности проходило без упоминания публикаций «Огонька» в критическом ключе, как подрывающих власть компартии. О последующей роли Ельцина и говорить не приходится.

Ещё один удивительный факт. В 1989 г. прокатилась волна шахтёрских забастовок. К руководителю парторганизации Кузбасса В. Бакатину явился шахтёр, Герой Соцтруда, со словами: «Вадим, мы уже больше не можем бастовать». Бакатин ответил: «Надо!» [33, с. 59]. Едва ли это было «надо» лично Бакатину. Давать такие «рекомендации» (скорее, требования) бастующим можно, лишь имея надёжное

прикрытие, иначе не избежать скандала и окончания карьеры. Но кому именно «надо», Бакатин, к сожалению, не уточнил. Но ясно, что это должны были быть очень серьёзные люди, на покровительство которых Бакатин мог рассчитывать.

Фактов, свидетельствующих об организации местными властями незаконных действий, подрывающих партию и страну, приводится в источниках немало. Так, М. Н. Полторанин, вспоминая о своём визите в Узбекистан по поводу погромов против турок-месхетинцев, пришёл к выводу, что погромные действия были спланированы местными властями, а узбекское движение «Бирлик» («освободившего» узбекский народ от «советского колониального ига») создавалось с помощью органов госбезопасности для раскачивания ситуации [32, с. 82–83].

И. Гамбар, один из руководителей Народного фронта Азербайджана в годы перестройки, в 1992 г. исполнявший обязанности президента этого государства, отмечает «странности» в поведении Москвы на начальной стадии конфликта с Арменией вокруг Карабаха: «получается, это [конфликт двух тогда ещё союзных республик] было подготовлено, чтобы добиться размежевания армянского и азербайджанского населения... кто-то управлял этим процессом» [9, с. 231–233].

Эти и другие факты не могут не вызывать доверия хотя бы потому, что их приводят идейно далёкие друг от друга участники событий.

Но чем Москве могли быть выгодны подобные действия? А. В. Островский в своей монографии квалифицирует подобные факты как доказательство «тайного замысла» реформаторов на разрушение СССР. Однако более обоснованным является такое мнение: Москва пыталась чужими руками спровоцировать общественное недовольство консерваторами в руководстве партии и государства и укрепить позиции реформаторов. Но получился тот самый случай, когда выпущенный из бутылки джинн не захо-

тел возвращаться обратно, а загнать его силой уже не смогли, да и не особо старались. Соответственно, в части анализируемых фактов преобразование КПСС состоялось, но такое преобразование, которое ослабило и партию, и союзное государство.

Но что понималось под «реформированием КПСС» в годы перестройки? В чём именно такое реформирование должно было проявиться? Без ответа на этот вопрос нельзя судить о том, подверглась ли партия преобразованиям или отторгла их. Как выясняется, ни в период горбачёвских реформ, ни после единого понимания сущности реформ в партии мы не находим.

Логично было бы начать выяснение этого вопроса с намерений самих реформаторов в отношении КПСС. Однако здесь исследователей ожидает некоторое разочарование. Вот как сформулировал своё понимание сущности реформы партии её последний генсек спустя 20 лет после начала перестройки, т. е. когда он уже имел возможность хотя бы задним числом представить ситуацию в выигрышном для него свете. Примечательно, что облик обновлённой компартии Горбачёв встроил в страницы своих воспоминаний, относящихся лишь к XXVIII съезду партии, когда многое уже было упущено. Из горбачёвского текста следует, что обновлённая КПСС будет привержена «общечеловеческим ценностям, гуманистическим идеалам», освободится от «идеологической зашоренности», будет партнёром «всех прогрессивных общественно-политических движений», открытой для коммунистов и социалистов «разной ориентации», предполагает свободу компартий союзных республик [7, с. 267] и т. д.

Понятно, что такие перспективы вызвали много вопросов и в партийных массах, и в обществе. Почему ничего не сказано об отношении к идее коммунизма, ведь партия-то коммунистическая? Почему надо быть «партнёрами» всех движений (и антикоммунистических?), и

каковы критерии «прогрессивности» последних? Как партия сможет сохранить своё единство, если будет представлять собой союз компартий республик? Наконец, каково будет отношение КПСС к государственной власти? Такие вопросы задавали и самому Горбачёву, в ответ он нередко «заходил», обвиняя недоумевающих однопартийцев в «непонимании» сути реформ, в косности мышления, приверженности догмам и пр. Позднее экс-генсек признавался: «линия на распад Союза сочеталась с борьбой против руководства СССР, которую вели фундаменталистские, номенклатурные силы внутри КПСС. Их оплотом был ЦК Компартии РСФСР во главе с незабвенным Полозковым и Ко... Оба лагеря подогревали, провоцировали, поощряли и подталкивали друг друга на устранение Горбачёва, а на деле – на срыв обновления, реформирования союзного государства» [35, с. 7]. Однако в 1991 г. приведённые выше окрики Горбачёва в адрес однопартийцев уже далеко не всегда срабатывали и всё чаще вызвали ответную негативную реакцию [33, с. 113].

А. С. Барсенков, анализируя связь между процессами в партии и государстве, приходит к выводу: «не случайно сепаратизм в СССР развивался и усиливался одновременно с тем, как Горбачёв сознательно «завдвигал» партию» [2, с. 80] (сокращение партаппарата и его отстранение от оперативного управления в 1988 г., отмена монополии КПСС на власть в марте 1990 г.).

Итак, подведём итоги и на эмпирическом уровне отметим, что видна прямая связь между кризисом КПСС и распадом СССР.

Курапова Е. Р.

На острие политики: Минэкономики СССР в 1991 г.

Начало 1990-х гг. застало Советский Союз в процессе перестройки политической и социально-экономической жизни

страны. 19 октября 1990 г. Верховным Советом СССР были одобрены «Основные направления стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике». «Положение в народном хозяйстве продолжает ухудшаться. Снижаются объёмы производства, рвутся хозяйственные связи. Усиливается сепаратизм. Опустошён потребительский рынок. Дефицит бюджета и платёжеспособность государства достигли критических величин... Экономика находится в крайне опасной зоне – старая административная система управления разрушена, а новые стимулы работы в условиях рынка ещё не созданы. Нужны энергичные меры... для стабилизации положения и ускоренного продвижения по пути к рыночному хозяйству», – утверждалось в документе¹.

В рамках предложенного реформирования политической и экономической жизни страны на базе Государственного планового комитета СССР было создано Министерство экономики и прогнозирования СССР. В функции министерства входило проведение текущей экономической политики союзного центра, оценка сложившейся в стране ситуации в области народнохозяйственного комплекса и прогнозирование экономического развития СССР. С распадом СССР ведомство было упразднено. При весьма непродолжительном периоде существования деятельность Министерства экономики и прогнозирования СССР пришлась на кризисный период в истории позднего СССР, что обуславливает фундаментальный интерес к его истории как в общей теме распада СССР, так и по линии экономической истории.

В архивном фонде министерства, находящегося на хранении в РГАЭ², помимо традиционной для советского ведомства

¹ Распад СССР: документы и факты (1986–1992 гг.): в 2 т. Т. 1. Нормативные акты. Официальные сообщения / под общ. ред. С. М. Шахрая. М., 2009. С. 545.

² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 847.

союзного масштаба организационно-распорядительной документации имеется документальный блок, представляющий исследовательский интерес для истории позднего СССР. Речь идёт о комплексе ответов на поручения Кабинета министров СССР, подготовленных в недрах министерства. Документальный контент позволяет представить взгляд верховной власти в лице кабинета министров страны и «последнего советского Госплана» на экономическую ситуацию в стране, её текущие проблемы, варианты исправления возникших проблемных ситуаций, видение перспективы (в данном случае тактической) в этот самый сложный период отечественной истории, когда экономика стала заложником складывающейся политической ситуации.

С известной долей условности комплекс тематико-сюжетных линий в деятельности министерства в части подготовки ответов на поручения Кабинета министров СССР можно охарактеризовать следующим образом: подготовка и реализация государственных программ [19, с. 327], состояние тех или иных отраслей экономики, вопросы деятельности конкретных предприятий, экономическая ситуация в регионах¹, вопросы импорта/экспорта продукции и технологий, ситуация с валютным фондом страны [20, с. 203], вопросы внешнего кредитования, социальная тематика, элементы рыночной экономики.

Прогностическая функция министерства не получила полноценного развития как в силу складывающейся политической ситуации, так и кратковременности существования самого ведомства. Тем больший интерес представляют подготовленные или рассмотренные ведомством прогнозы развития экономики страны на 1991, 1992 и 1993–1994 гг.

Рассмотрим в мозаичном ключе некоторые сюжеты, возникшие на стыке политики и экономики, точечное внимание уделим кризисным моментам в экономической сфере, происходившим на фоне и в условиях политических событий в стране, приведших в итоге к её исчезновению с геополитической карты мира.

Ответ министерства № 1-П от 13 июня 1991 г. касался работы по подготовке предложений для решения задач, обеспечивающих реализацию Указа Президента СССР от 16 мая 1991 г. «О неотложных мерах по обеспечению стабильной работы базовых отраслей народного хозяйства». Этим указом предприятия нефтяной, газовой, нефтеперерабатывающей, химической, металлургической и других отраслей промышленности получили право самостоятельно продавать до 10 % производимой продукции на внутреннем рынке по договорным ценам и экспортировать по лицензиям до 10 % товаров. В подготовленном министерством проекте постановления Кабинета министров СССР предлагалось «в сложившихся чрезвычайных условиях ввести особый режим управления в базовых отраслях народного хозяйства, предоставив... органам государственного управления чрезвычайные полномочия по контролю и оперативному вмешательству в хозяйственную деятельность предприятий»².

Вынесенным на уровень Кабинета министров оказался вопрос закупки УКВ-радиостанций на сумму 1,5 млн долл. США для нужд МВД СССР, «предусмотренных в направлениях использования средств Союзно-республиканского валютного фонда». В ответе от 14 июня 1991 г. Минэкономики предлагало решить вопрос положительно, «учитывая сложную криминогенную обстановку в стране»³. 17 июня 1991 г. министерство обозначило свою позицию по вопросу увеличения объёмов строительства социальной сферы Министерства путей со-

¹ «...в области создалась крайне напряжённая ситуация...». Июль 1991 г. (по материалам Министерства экономики и прогнозирования СССР) // Самарский архивист: научный альманах. 2021. № 1. С. 59–66.

² РГАЭ. Ф. 847. Оп. 1. Д. 8. Л. 2, 3.

³ Там же. Л. 7.

общения СССР: «В связи с... неперечислением союзными республиками средств в союзный бюджет и союзный фонд стабилизации экономики в настоящее время изыскать дополнительные ассигнования для МПС СССР на компенсацию указанного удорожания строительства не представляется возможным»¹.

Тревожный характер имеет заключительная фраза ответа министерства по вопросу перехода к рыночным отношениям в системе Минавтосельхозмаша СССР (26 июня 1991 г.): «Органы государственного управления суверенных республик считают необходимым передать все находящиеся на территории этих республик машиностроительные предприятия союзного подчинения в их ведение»².

Концептуальным выглядит ответ министерства по вопросу «выделения валютных средств на нужды ЦК КПСС» (1 июля 1991 г.): «В связи с переходом на рыночные отношения, передачей значительной части валютных средств предприятиям и организациям-поставщикам товаров на экспорт, а также направлением крупных сумм на погашение внешнего долга резко сократились возможности выделения централизованных средств на финансирование общественных организаций». После изложения конкретики цифр в выделении средств «в условиях напряжённейшего состояния расчётов в свободно конвертируемой валюте» было отказано³. Через неделю министерство также дало отрицательный ответ по вопросу «возмещения работникам партийных органов дополнительных затрат, связанных с повышением розничных цен и тарифов на услуги, за счёт средств союзного бюджета»⁴.

В ряде подготовленных Минэкономики ответов лета-осени 1991 г. отмечается сложившееся к тому времени в стране по

ряду экономических параметров «напряжённое положение» в обеспечении ряда отраслей. Например, «...сельского хозяйства страны нефтепродуктами, минеральными удобрениями и лесоматериалами» (15 августа)⁵, «...топливно-энергетическими ресурсами, в т. ч. и газом, ... впервые за всю историю развития газовой промышленности... ожидается снижение добычи газа» (18 сентября)⁶. Тяжёлое впечатление оставляет подготовленный министерством ответ на поручение Кабмина по теме «О положении дел в капитальном строительстве» (8 октября). Министерство согласно с выводами Госстроя СССР «о кризисном положении дел в капитальном строительстве», причинами которого являются «потеря управляемости отраслью... в условиях решительного отказа от административных методов воздействия на экономику» и др.⁷

В контексте общей темы знаковой является подтема взаимоотношений союзного центра с республиками Прибалтики. В середине августа 1991 г. министерство изучало вопрос «экономических взаимоотношений Союза СССР с Латвийской Республикой и Эстонской Республикой». В ответе ведомства в Кабинет министров СССР обозначено его мнение по ряду сюжетов, инициированных к рассмотрению прибалтийскими республиками: «о передаче Госбанком СССР всех активов и пассивов республиканских банков Госбанка СССР Банкам Латвии и Эстонии», «введение Эстонией собственной валюты», о «передаче Латвии и Эстонии таможенных служб и осуществления органами республик таможенного контроля на границе», «вопрос о формировании самостоятельной пенсионной системы» в Латвии и др. Министерство экономики и прогнозирования СССР отмечает, что представленные республиками проекты соглашений «выходят за рамки экономических взаимоотношений и по суще-

¹ РГАЭ. Ф. 847. Оп. 1. Д. 8. Л. 64.

² Там же. Д. 9. Л. 90.

³ Там же. Д. 8. Л. 182.

⁴ Там же. Д. 10. Л. 130.

⁵ Там же. Д. 13. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 16. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 215.

ству являются проектами соглашений между правительствами суверенных государств», в связи с чем «до подписания союзного Договора... заключение соглашений в настоящем их виде является нецелесообразным»¹.

Во второй половине августа 1991 г. обозначился новый уровень проблем. В своём письме на имя премьер-министра СССР В. С. Павлова министерство отмечало, что Внешэкономбанк СССР «прекратил представление отчётной информации по важнейшим показателям внешнеэкономической деятельности страны», что делает невозможным для министерства подготовку «расчётов платёжного баланса страны на второе полугодие»². Мнение министерства о выделении средств для строительства Дома экономики и промышленности СССР в ФРГ по предложению народного депутата СССР А. И. Чабанова ценно описанием текущего экономического фона в стране: «В связи с... большой задолженностью перед иностранными фирмами по уже завезённым в Советский Союз товарам, острым недостатком валютных средств, которые в настоящее время расходуются только по ежемесячным решениям Кабинета министров СССР практически на оплату продовольствия и медикаментов» выделить средства на строительство указанного объекта не представляется возможным³.

Начало октября 1991 г. продемонстрировало новую как политическую, так и экономическую реальность. Минэкономики направило 4 октября в Комитет по оперативному управлению народным хозяйством СССР проект соглашения «О порядке перехода на общие принципы международных экономических отношений с Государствами, вышедшими из Союза ССР и не присоединившимися к Экономическому сообществу». В ст. 2 проекта излагаются меры по созданию

«условий для экономических отношений на международных принципах»: необходимо урегулирование прав собственности, финансово-кредитных отношений, денежного обращения, определение условий пользования Единой энергетической системой и магистральными транспортными системами и др.⁴ Надо ли говорить, что решение этих вопросов заняло даже не годы, а десятилетия...

25 октября 1991 г. Минэкономики было дано поручение Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР об организации разработки экономических прогнозов на 1992 г. «и более длительный период», а уже 31 октября был дан ответ министерства, пронизанный идеей «курса на динамичное формирование и развитие рыночных отношений». Первым пунктом было обозначено значение такой позиции, как «коренные изменения в отношении политики либерализации цен и других направлений движения к цивилизованному рынку, и, прежде всего, содержащиеся в программе Президента России Б. Н. Ельцина»⁵.

В ноябре 1991 г. актуальными проблемами министерства стали состояние внешнего долга СССР и валютное положение страны. Так, 5 ноября ведомство направило в правительство аналитическую записку «О проблеме и механизме погашения внешнего долга СССР», 13 ноября – «Предложения об улучшении валютного положения страны». По первому сюжету министерство в качестве базового вывода полагало крайне важным «завершить не позднее ноября согласование необходимых документов» между республиками, чтобы «межреспубликанские договорённости обрели юридическую силу»⁶. Второй документ содержит значимую характеристику текущей экономической ситуации. В первой же фразе отмечено, что «в условиях нестабильной

¹ РГАЭ. Ф.847. Оп. 1. Д. 13. Л. 17, 18.

² Там же. Л. 28.

³ Там же. Л. 184.

⁴ Там же. Д. 16. Л. 195-199.

⁵ Там же. Д. 17. Л. 153.

⁶ Там же. Л. 165.

социально-экономической обстановки в 1991 г. функционирование экономики республик идёт с ускоряющимся из месяца в месяц спадом общественного производства... По оперативным данным на 1 ноября 1991 г., годовые задания по экспорту выполнены на 57,1%, по импорту – на 43,7%». В прогнозных оценках на 1992 г. ведомство отмечало, что «особенно сложным будет положение на рынке потребительских товаров»¹.

Министерство прекратило свою деятельность вместе с исчезновением с геополитической карты мира союзного государства под названием СССР, частью истории которого является и документальное архивное наследие «последнего советского Госплана».

Ефременко В. В., Заец Д. В.

Дискуссии о распаде СССР в современной российской историографии: вопрос о роли личности М. С. Горбачёва

Изучение причин и процесса распада Советского Союза стало объектом пристального внимания как историков, так и современников этого события [5; 9; 12; 16; 22; 46]. Особое место занимает вопрос о роли политической элиты страны в нарастании кризиса. Какую роль в процессе распада СССР сыграли действия М. С. Горбачёва и его окружения? На этот вопрос есть разные ответы. Например, Е. Т. Гайдар в своей знаменитой книге «Гибель империи. Уроки для современной России» делает акцент на глубине экономического кризиса как главного фактора дестабилизации советской системы. Однако не обходит вниманием и М. С. Горбачёва. В частности, он пишет, что генеральный секретарь не имел чёткого плана действий и не осознавал основательности и сложности проблем, которые появились из-за падения цен на нефть [5, с. 233–234].

Для того чтобы оценить современное состояние историографии по вопросу о распаде СССР и роли М. С. Горбачёва в этом процессе, зафиксируем главные подходы к изучению этой проблемы. Прежде всего, остановимся на актуальных исследованиях перестройки как периода предшествовавшему распаду союза.

Дискуссии об экономических и политических реформах

В 2019 г. и 2021 г. в журнале «Российская история» состоялись дискуссии, которые, на наш взгляд, отражают основные тенденции развития современной историографии. Отдельные аспекты этих дискуссий служат иллюстрациями главных споров о распаде СССР.

Российский историк Р. Г. Пихоя предложил отказаться от эмоциональных оценок и взглянуть на объективные факторы – экономический, социальный и политический кризисы. Он вводит термин «системный кризис», где системность связывается с фатальностью. Этот кризис берёт своё начало в конце 1970-х гг., а за точку отсчёта предлагается принять Конституцию 1977 г., фиксирующую идеологический кризис и появление формулы «развитого социализма», связанной в действительности с невозможностью достигнуть коммунизма к 1980 г. [30, с. 5–7]. Конституция стала признанием нереальности программы партии. Р. Г. Пихоя подробно расписывает углубление и развитие системного кризиса, подчёркивая, что он стал неизбежной причиной дезинтеграции Союза. Исследователь выводит главную причину распада страны за пределы деятельности М. С. Горбачёва, подчёркивая ключевую роль объективных факторов над субъективными. Таким образом, ход дискуссии о причинах распада Союза связан с вопросом о том, какие факторы сыграли более значительную роль. Р. Г. Пихоя посвятил не одно исследование разработке понятия «системный кризис» как главного объективного фактора [29].

¹ Там же. Л. 220.

Противоположную точку зрения на эту проблему представляет В. М. Зубок, который признаёт наличие кризиса в Советском Союзе, но не соглашается с Р. Г. Пихоей и Е. Т. Гайдаром в соотношении этого кризиса и роли М. С. Горбачёва в «разрушении страны». По его мнению, такая позиция близка многим западным исследователям, которые сразу после распада СССР писали о том, что «последняя империя» была обречена. В. М. Зубок считает такой подход «ретроспективным детерминизмом», который мешает постановке исследовательских вопросов [13, с. 30]. Исследователь вносит в дискуссию экспертизу западных экономистов и политологов, среди которых называются М. Раш, М. Эллман и В. Конторович. По их мнению, система в целом была стабильна, но реформы Горбачёва ослабили её, т. к. условие успешного реформирования авторитарных режимов – это опора на силу, а не на поддержку общества.

Похожей точки зрения придерживаются М. Крамер и М. Бейсенгер, подчёркивая, что в результате реформ появился российский центр власти альтернативный советскому, что поставило всю государственную систему под вопрос [13, с. 33–34].

Большое значение, по мнению В. М. Зубока, играет вопрос о причинах неудач экономических реформ 1985–1989 гг. Ведь окружение М. С. Горбачёва возлагало на них большие надежды. Курс на децентрализацию, автономию и внедрение рыночных механизмов привёл к потере контроля над этими процессами. Автономия госпредприятий, акционирование промышленных монополий, создание при этих монополиях кооперативов и возникновение коммерческих банков – «всё это создало идеальные условия для перекачивания государственных средств в карманы хозяйственной элиты». Это лишило власть возможности для инвестиций и перераспределения ресурсов. Государство потеряло половину своих доходов, началась инфляция. Все услу-

билось отказом руководства страны повышать налог на прибыль и менять политику цен. Ни Рыжков, ни Горбачёв не желали признавать, что, «позволяя кооперативам получать незаработанные доходы, они подрывают макроэкономическую и политическую стабильность» [13, с. 34–35].

В. М. Зубок согласен с Р. Г. Пихоей по поводу осознанных действий Горбачёва по отказу от опоры на номенклатуру. «В самом деле, как опытный аппаратчик и политик мог рассчитывать справиться с острыми экономическими проблемами, народным недовольством и поднимающимся сепаратизмом без помощи аппарата? И почему Горбачёв, обязанный партийной монополией на власть своей карьерой, считал, что проблемы в стране можно решить не силой сверху, а с помощью демократизации и гласности?» [13, с. 34–35]. В. М. Зубок считает уместным отсчитывать начало распада СССР с 1989 г., когда начинается борьба за власть между Горбачёвым и Ельциным. Основную ответственность за этот процесс историк возлагает на окружение генерального секретаря, которое приняв перестройку, не смогло грамотно оценить реформы, лишившие их рычагов влияния на ситуацию и разрушившие страну.

Таким образом, оценки кризиса и распада СССР, данные Р. Г. Пихоей и В. М. Зубоком, представляют 2 разные точки зрения. Р. Г. Пихоя отмечает ошибки М. С. Горбачёва, но делает акцент на «системности» кризиса и представляет реформы как невозможную попытку обратить вспять процесс распада. В то время как В. М. Зубок бескомпромиссно критикует Генерального секретаря ЦК КПСС, приводя китайский опыт как пример успешного проведения рыночных реформ с опорой на авторитарные методы.

Иначе к проблеме распада страны подходит А. В. Шубин, предлагая по-другому оценить соотношение объективных и субъективных факторов. Историк предлагает не рассматривать «системный

кризис» как неизбежный распад государства, а связывает его с крахом политического строя. Системный кризис не ведёт к неизбежному уничтожению системы, он может закончиться её трансформацией. Не согласен А. В. Шубин и с оценкой действий самого М. С. Горбачёва. Например, альтернативные выборы и гласность не стали причинами распада страны, но означали серьёзные изменения, в частности, глава партии не отказался от административного ресурса, т. к. большинство избранных депутатов союзного съезда были членами КПСС, в то время как радикальные противники партии не попали на выборы [44, с. 43].

А. В. Шубин осуждает руководство партии за слабую продуманность и нерешительность экономических реформ, а часто даже за отсутствие понимания, что без радикальных мер было не обойтись. М. С. Горбачёв полагал, что введение конкуренции сможет помочь стране преодолеть кризис. Однако экономика СССР создавалась «как единая фабрика» и конкуренция между предприятиями могла привести к дезинтеграции всей экономической системы. С другой стороны, асинхронность реформ и страх перед скачком цен не просто сковывал, а направлял хозяйственную активность в деструктивное русло. Ситуация, когда руководители предприятий были освобождены от контроля министерств, а настоящая конкуренция ещё была невозможна, создала большой теневой сектор [44, с. 43].

Национализм и местный сепаратизм, по мнению А. В. Шубина, не составляли опасность для существования СССР и даже в 1990–1991 гг. угрожали лишь отделением нескольких республик. И хотя союзный центр в лице Горбачёва часто не знал, как реагировать на межнациональные конфликты, сами по себе они не вели к распаду страны [45, с. 28]. Главной силой, способствовавшей распаду Союза, стала региональная номенклатура, которая в условиях отсутствия общесоюзной координирующей силы (партия ею уже

не была, а советы стать не смогли) начала захват собственности, вступив в союз с национальными движениями и взяв курс на суверенизацию. Фатальным в этом отношении были действия российского руководства. В конечном счёте действия номенклатуры привели к распаду экономических связей внутри СССР. А социально-экономический кризис или другие объективные факторы не сыграли в этом решающей роли. «Исход драмы 1991 г. зависел от конкретных шагов и личных решений таких лидеров как М. Горбачёв, Б. Ельцин, Л. Кравчук, Н. Назарбаев» [45, с. 34].

Обращаясь к вопросу заключения союзного договора и распада СССР, историк подчёркивает разницу понятий «падение коммунистического режима» и «распад государства». Национальные движения не были драйвером распада, им стала номенклатура, которая начиная с 1990 г. стала захватывать собственность. Однако это всё ещё не означало распада страны. Дискутируя с Р. Г. Пихоей, А. В. Шубин обращает внимание на то, что Новоогаревский процесс, который начал М. С. Горбачёв, давал ему возможность сохранения союза в обновлённой форме. Ситуация изменилась лишь в августе 1991 г. «Нет доказательств тому, что накануне выступления ГКЧП распад СССР был неизбежен. Существовали объективные тенденции, ослаблявшие его конструкцию, но чем закончится это ослабление – распадом или трансформацией с сохранением единого государства – оставалось предметом политической борьбы» [44, с. 46].

В некоторой степени схожей позиции придерживается С. Коткин, книга которого недавно была переведена на русский язык. Как и А. В. Шубин, С. Коткин отбрасывает национализм как значимый фактор распада СССР, делая акцент на ведущей роли элиты в этом процессе [18, с. 25–28]. Автор удивляется, как М. С. Горбачёв, обладая огромным потенциалом для ведения войны, не использовал его для того, чтобы предотвратить

распад государства. А при этом, наоборот, предпринимал действия, которые ослабляли систему. Несмотря на наличие системных проблем и отставание от запада в индустриальном развитии, СССР распался из-за действий номенклатуры. Однако в отличие от А. В. Шубина С. Коткин в гораздо большей степени критикует М. С. Горбачёва и его окружение. В частности, он приводит отрывок из мемуаров Е. К. Лигачёва, где тот пишет, что понимал, как действия генерального секретаря ослабляют партийные структуры, и что это может быть опасно для единства страны, обеспечиваемого партийным аппаратом. С. Коткин сравнивает Е. К. Лигачёва и М. А. Суслова, подчёркивая, как предшественник Е. К. Лигачёва по идеологической работе не побоялся выступить против главы партии для укрепления её власти [18, с. 120–123].

Таким образом, С. Коткин и А. В. Шубин пишут о связи субъективных и объективных факторов при распаде СССР и особенно выделяют активность элиты, хоть и подчёркивая различные действия различных групп.

Российский историк С. В. Журавлёв сомневается в системности кризиса Советского Союза и отмечает недооценку влияния политической элиты в анализе Р. Г. Пихои, т. к. само устройство власти в СССР предполагало большое влияние «вождей». Почему развитие кризиса в Советском Союзе привело к разрушению государственной системы? С. В. Журавлёв сравнивает ситуацию в СССР 1990-х гг. с началом 1920-х гг. и «Великой депрессией» в США и утверждает, что вопрос остаётся открытым для историков, т. к. сами по себе системность и глубина кризиса не могут быть достаточным и исчерпывающим объяснением [11, с. 47–49].

Позиция исследователя близка к оценке А. В. Шубина. С. В. Журавлёв оценивает экономические реформы Горбачёва негативно, отмечая положительные аспекты в политической сфере, тем не менее распад страны он связывает в первую

очередь с действиями республиканской номенклатуры, особенно РСФСР, встреченной возможностью реставрации системы власти КПСС. В конечном счёте, элита поставила свои властные и материальные амбиции выше интересов государства и его граждан. В то время как «вставший на путь парламентской демократии, многопартийности и признания частной собственности СССР являлся уже совершенно другим государством...» [11, с. 50–51].

Дискуссии о роли этнополитического фактора в дезинтеграции Советского Союза

Вторая волна дискуссий о причинах распада СССР развернулась на страницах журнала «Российская история» № 6 за 2021 г. и связана с публикацией статьи специалиста по клиометрии и социальной истории из Санкт-Петербургского государственного университета Б. Н. Миронова. Исследователь обосновывает тезис о становлении политических элит в союзных республиках в результате политики коренизации, которая проводилась в СССР с 1920-х гг. и вплоть до начала 1990-х гг., как главный фактор дезинтеграции Союза. В качестве доказательной базы приводятся данные различных статистических материалов, прежде всего, всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., всесоюзных переписей населения 1926, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг., которые показывают этнический состав управленцев в законодательных, исполнительных и контрольных органах власти различного уровня в союзных республиках. Автор даже вводит специальный индекс этнополитической репрезентативности – соотношение доли этноса, занятого в управлении, и доли данного этноса во всём занятом населении. Оценивая суммарные данные об итогах коренизации управленческой сферы в целом по Союзу, Б. Н. Миронов отмечает, что в «наибольшей степени она затронула исполнительную власть, не-

сколько меньше – судебную и правоохранительные органы... К 1979 г. титульные этносы контролировали органы власти в 13 из 15 союзных республик... В последние годы советской власти дерусификация управления набирала обороты» [23, с. 6, 8]. Особое внимание автор обращает на результаты коренизации в представительных органах власти СССР – Верховных советах СССР и союзных республик, которые, по его мнению, ошибочно считались декоративными органами. В 1990–1991 гг. именно эти органы власти, где большинство принадлежало титульным народам, будут один за другим принимать акты о независимости от Советского Союза [23, с. 14].

Сдерживающими дезинтеграцию Союза факторами были преобладание русских в КПСС, а «реальная власть была не в Советах, а в аппарате КПСС», финансовая помощь из Центра республикам, а также надежда, что местные кадры, получив рычаги управления в свои руки, создадут у местного населения образ советской власти как «своей», а не навязанной извне русскими. Но с этими позициями происходят серьёзные изменения, способствующие росту сепаратизма.

Финансовые вливания в республики в годы перестройки на фоне неудачных экономических преобразований резко сокращаются. Сравнивая этнический состав партийных, комсомольских, профсоюзных организаций по переписям 1959, 1979 и 1989 гг., Б. Н. Миронов констатирует, «что уже к 1979 г. во всех республиках, кроме Казахстана, в руководстве партийными организациями большинство было у титульных народов; в правоохранительных органах титульные народы численно доминировали в 9 из 14 республик (без РСФСР), а в 5 – были в большинстве с другими нерусскими народами. Русские были везде в меньшинстве, кроме армии». Что касается нарастающей дезинтеграции Союза, то историк указывает на явную недооценку советским руководством и лично Горбачёвым этой опасности, об

очень поздних и нерешительных шагах по борьбе с первыми проявлениями открытого сепаратизма в прибалтийских республиках [23, с. 18]. Таким образом, Б. Н. Миронов в противовес многим авторам, подобно А. В. Шубину и С. Коткину, отрицающим роль национализма в распаде СССР, на широкой доказательной базе показывает обратное.

Общий вывод Б. Н. Миронова сводится к тому, что Центр, проводя в течение ряда десятилетий политику коренизации управленческих кадров и силовых структур (кроме армии), создавая предпосылки для укрепления местных культурных, научных элит, фактически даровал титульным народам национальную государственность, которую они юридически оформили в 1990–1991 гг. В этом русле М. С. Горбачёв и его окружение ничего не могли поделать со столь глубокими процессами дезинтеграции Советского Союза.

С описанной Б. Н. Мироновым ролью политики коренизации в распаде СССР в принципе согласен А. Я. Дегтярёв, который дополняет тезис о серьёзных изменениях в руководящих инстанциях КПСС – ЦК и Политбюро. Речь идёт об их массовом обновлении, пик которого пришёлся на вторую половину 1980-х гг. и был вызван демократизацией, гласностью, провозглашённых в рамках политики перестройки. В результате этих процессов в высших партийных органах оказалось много людей, «не прошедших достаточной политической и жизненной школы, нередко – прямо враждебных идеям социализма» [8, с. 37]. Более того, А. Я. Дегтярёв приводит данные, когда М. С. Горбачёв после своего избрания Генеральным секретарем ЦК КПСС занялся «энергичной зачисткой руководства партии от своих оппонентов», часть из которых последовательно выступала за сохранение Союза. В этом контексте историк прямо отмечает, что проведённая по личной инициативе Горбачёва перестройка оказалась ускорителем

дизинтеграции СССР, которая могла бы быть отложена при ином руководстве Союза (например, при Г. В. Романове). Такая оценка роли М. С. Горбачёва расходится с выводами Б. Н. Миронова и Р. Г. Пихои о сугубо объективных причинах распада СССР.

Более резкие и негативные оценки в адрес национальной политики М. С. Горбачёва звучат в статье профессора Мичиганского и Чикагского университетов, специалиста по постсоветской истории России и этническим конфликтам на её территории Р. Суни. Он соглашается с тезисом Б. Н. Миронова об успехах политики коренизации политических элит союзных республик, но отмечает, что это не обязательно должно было привести эти элиты к идее национальной независимости и выходу из состава Союза. Элиты на подобный шаг подтолкнула слабость центральной власти в лице Горбачёва, не решившегося в критический период развития страны взять на себя ответственность, в т. ч. за использование силовых средств борьбы с первыми проявлениями открытого сепаратизма в республиках и в рядах КПСС. Более того, в качестве успешной альтернативы сохранения государства во главе с Коммунистической партией Р. Суни приводится пример Китая, власти которого провели реформы в сторону государственного капитализма и решительно подавили протесты на площади Тяньаньмэнь [38, с. 42]. Об этом же опыте Китая писал и В. М. Зубок.

Продолжением дискуссии о роли М. С. Горбачёва в дезинтеграции СССР можно считать статью историков А. С. Пученкова и Л. К. Рябовой. С одной стороны, они отмечают проведение референдума по вопросу о сохранении Союза, на котором более 76% сказали существованию СССР «да» и дали руководству Союза основу для борьбы за его дальнейшее существование; огромные личные заслуги М. С. Горбачёва по сохранению Союза в ходе Новоогаревского процесса, когда ему в статусе Президента СССР удалось

согласовать текст нового Союзного договора; не менее важны попытки реанимировать Новоогаревский процесс уже после событий 19–21 августа 1991 г., когда появилась перспектива трансформации СССР в конфедеративное государство [34, с. 293, 296]. В этом авторы показывают солидарность с позицией А. В. Шубина о непредрежённости распада Союза до августа 1991 г., но приводят альтернативную точку зрения мнениям Б. Н. Миронова, А. Я. Дегтярева, и тем более мнению Р. Суни, критикующих М. С. Горбачёва за отсутствие активных действий по сохранению единства страны.

С другой стороны, эти исследователи указывают на ряд роковых ошибок, совершённых М. С. Горбачёвым, которые свели на нет все вышеназванные усилия. Во-первых, соглашаясь с Р. Суни в вопросе отсутствия жёстких действия в решении национальных противоречий, исследователи отмечают недальновидную позицию отречения Горбачёва от всех действий силовиков в январе 1991 г. в Вильнюсе, которая оттолкнула от него демократически настроенное окружение и руководство армии. Второй ошибкой М. С. Горбачёва была подготовка Союзного договора втайне не только от широких масс советского народа, но даже от членов ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Кабинета министров СССР, что в партийно-государственной элите вызвало разочарование и породило множество слухов о содержании нового договора Центра с республиками. Наконец, фатальной ошибкой стал отъезд на отдых накануне подписания Союзного договора, чем и воспользовались члены ГКЧП. Однако окончательное слово в деле распада СССР, несмотря на названные выше ошибки, оказалось не за М. С. Горбачёвым, а за лидерами Украины, Белоруссии и России, которые Беловежскими соглашениями прекратили существование Союза и перечеркнули усилия Горбачёва по перезапуску Новоогаревского процесса. [34, с. 294–295]. В последнем тези-

се А. С. Пученков и Л. К. Рябова полностью подтверждают ранее высказанное мнение С. В. Журавлёва, который писал об особой роли номенклатуры РСФСР в распаде СССР.

В современной историографии по-прежнему ведутся дискуссии о роли экономических и политических реформ, а в последнее время и этнополитических процессов в дезинтеграции СССР. Хотя В. М. Зубок, А. Я. Дегтярёв подчёркивают недостатки реформ М. С. Горбачёва как одну из главных причин распада, большинство исследователей выделяют другие факторы.

В противоположность позиции В. М. Зубока, А. Я. Дегтярёва можно выделить подходы тех исследователей, кто считает падение СССР неизбежным. Прежде всего, таких позиций придерживается Р. Г. Пихоя, автор концепции «системного кризиса». На неизбежность распада Союза в результате процесса коренизации указывает в своих работах Б. Н. Миронов.

Однако и их позиция не находит безоговорочной поддержки у коллег. Многие предпочитают выделять другое соотношение объективных и субъективных факторов, среди них, прежде всего, необходимо выделить позицию А. В. Шубина и С. В. Журавлёва, которые видят причину распада во властных амбициях региональной номенклатуры, а не в действиях Горбачёва. Наконец, есть авторы, подобные А. С. Пученкову и Л. К. Рябовой, указывающие на распад СССР в результате ошибок М. С. Горбачёва и не менее активных действий политических элит республик.

Таким образом, современные исследователи делают акцент именно на действиях политической элиты СССР и союзных республик, а не на противоречивости экономических реформ или неизбежности национальных противоречий. Роль самого М. С. Горбачёва в процессе распада СССР по-прежнему остаётся дискуссионной.

Учаев А. Н., Шалаева Н. В., Гижов В. А.

Представление об СССР в исторической памяти и общественном сознании студенчества¹

В свете политических процессов последних десятилетий можно утверждать, что произошла актуализация проблемы исторической памяти, которая из сферы теоретико-методологической была перенесена в сферу политики. Если для первой был характерен анализ феномена исторической памяти, то в рамках второй историческая память приобретает характер политического ресурса, применяемого при управлении общественным сознанием.

Роль исторической памяти возрастает в периоды социально-политических трансформаций. В такие периоды перед властью и социумом встаёт исторический выбор, основанный на коллективных представлениях о прошлом как духовных скрепах общества. Обращение к исторической памяти также обусловлено её тесной связью с рационализацией, идеологизацией и политизацией исторического процесса.

В истории изучения проблемы исторической памяти – *memory studies* – принято выделять 3 периода:

1. 1920–1940-е гг. – точкой отсчёта стали исследования Э. Дюркгейма [47] и М. Хальбвакса [41];

2. 1980–начало 2000-е гг. – этап связан с работами Й. Йершалами [15] и П. Нора [26];

3. XXI в. – исследования Д. Олика, в которых он обратил внимание на неустойчивость «исследовательского поля» *memory studies* [2].

Историческая память имеет сложную структуру и уровни проявления. М. Хальбвакс особое внимание уделяет индивидуальной памяти как основы связи поколений [41]. Л. П. Репина [36],

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-31594.

И. В. Положенцева и Т. Л. Кащенко [31] выделяют коллективную и социальную историческую память, а индивидуальная рассматривается ими как часть коллективной. В. В. Касьянов, С. А. Чупрынников [16] анализируют диалектику исторической и социальной памяти.

Историческая память способствует формированию социальной идентичности, ценностных ориентиров, связана с историческим сознанием. Л. П. Репина рассматривает историческое сознание как форму, а историческую память – как содержание [36]. Н. В. Романовский считает, что историческое сознание формируется на основе исторической памяти и исторического знания [37].

М. Хальбвакс обращает внимание на такую особенность исторической памяти, как её способность к затуханию в связи с уходом её непосредственных носителей, что требует создания мнемонических мест или территорий памяти. Мнемонические места включают музеи, библиотеки, фильмы, книги, мемориальные комплексы, памятники, направленные на хранение и передачу памятной информации в процессе коммеморативных практик.

Под исторической памятью мы будем понимать уровень сознания, в котором отражена и зафиксирована значимая и актуальная информация о событиях прошлых лет, возникающая в результате целенаправленной организации и сохранения прошлого опыта народа, страны, государства.

Сегодня историческая память стала механизмом манипуляции общественным сознанием, направленным на формирование иной идентичности [42]. Всё большую роль в передаче исторической памяти играют её акторы – политические и государственные деятели, представители культуры, учёные, учителя, электронные СМИ как её трансляторы и активные участники [6; 17; 28; 40; 48].

В 2021–2022 гг. нами было проведено исследование¹, объектом которого стало состояние исторической памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., а предметом – её возможности как политического ресурса. Было проведено комплексное изучение уровня и динамики сохранения, трансформаций исторической памяти на примере Саратова и Волгограда.

Эмпирическая база исследования формировалась на методологической основе социокультурного анализа и неоклассической модели, учитывающей плюрализм и многомерность исторической действительности. Авторами были использованы количественные (социологический опрос) и качественные (фокус-группа, интервью) методы исследования.

В 2021 г. нами был проведён социологический опрос в 2 форматах – электронном (на платформе Google) и традиционном бумажном. Анкета содержала вопросы разных типов, в т. ч. с выбором одного или нескольких ответов, вопросы-фильтры, открытые, закрытые и т. д. Целевая выборка аудитории основывалась на 2 критериях: возраст и образование. Было опрошено около 1 000 учащихся (включая средне-специальное образование) в возрасте от 16 до 25 лет городов Саратова и Волгограда.

Основной целью опроса в рамках реализации проекта был анализ исторической памяти студентов о Великой Отечественной войне. Но данные материалы позволяют сделать ряд выводов и по некоторым другим направлениям. Так, в контексте данной статьи рассмотрим проблему восприятия молодёжью истории и распада СССР.

Исходными данными для анализа стали ответы студентов на вопросы о главных исторических личностях для нашей страны и о ключевых исторических понятиях и событиях отечественной истории. Авторами было обработано 1200 анкет.

¹ В рамках научного проекта № 21-011-31594, подержанного РФФИ.

Из 1850 заданных вопросов 50% (925) относились к советскому периоду и знанию политических и государственных лидеров СССР. Ответы студентов распределились следующим образом по количеству ответов: И. В. Сталин – 391, В. И. Ленин – 369, Г. К. Жуков – 67, М. С. Горбачёв – 37, Л. И. Брежнев – 31, Ю. А. Гагарин – 30. Остальные ответы «разбросаны» по другим эпохам менее равномерно. Современный этап Российской истории в ответах представлен В. В. Путиным (108 ответов). Если учесть все варианты ответов, не превысивших порог в 25 упоминаний, то «перевес» советского периода будет ещё больше.

Анализ анкет позволил выделить значимые события, которые, по мнению студентов, наиболее серьёзно повлияли на ход истории и развитие нашей страны. При общем числе в 1627 вариантов ответов 1120 из них относятся к советскому времени. Самое известное и значимое событие XX в. (490 ответов) – Великая Отечественная война. Второе по значимости событие (211 ответов) – революция 1917 г., при этом студенты не уточняли, какой этап революционных процессов имелся в виду. Третье место занял распад СССР (177 ответов) и замыкал опрос ответ – полёт в космос (45). Необходимо также отметить, что ответ «Образование СССР» как значимое событие отметили только 21 респондент.

Тем не менее не стоит переоценивать количественные данные в абсолютных цифрах: они могут быть обусловлены как реальным интересом к советской эпохе, так и недостаточной глубиной исторической памяти, ориентированной на ближайшие по временной шкале события.

На какие факты, на наш взгляд, необходимо обратить внимание при анализе социологических данных. Несмотря на то, что Петра I в качестве одной из важнейших личностей для отечественной истории назвали 365 опрошенных, только 28 респондентов назвали реформы этого монарха в качестве ключевого

события для истории России. Данный факт может говорить о том, что, по сути, существует популяризированная фигура Петра I отдельно от его реформ, и значение деятельности этого монарха осознаёт гораздо меньше людей, нежели упоминают его в качестве ключевой исторической фигуры для России.

С советской историей ситуация несколько лучше, чем с Петром I и его реформами. Понимание значимости СССР для истории России несколько выше, чем с предыдущим историческим примером: почти 18% (если не учитывать анкеты, где не ответили на данный вопрос, то показатель будет 20%) опрошенных в качестве значимого исторического события выделили распад Советского Союза. Как видим, разрыв уже не такой большой, как в случае с царём-реформатором. Необходимо учитывать, что факт распада СССР может восприниматься респондентом как положительно, так и отрицательно, результаты опроса не позволяют определить это соотношение достоверно, эту проблему можно анализировать только по косвенным моментам.

Так, в частности, нужно отметить, что М. С. Горбачёв, несмотря на то, что попал в число значимых исторических личностей, упоминался гораздо реже, нежели факт распада Советского Союза, что позволяет предполагать, что большая часть, указавших это событие, расценивают его, скорее, негативно. Также в пользу этого предположения говорит и тот факт, что первый российский президент Б. Н. Ельцин упоминался респондентами всего 22 раза. Естественно, нужно учитывать, что такое незначительное упоминание первых советского и российского президентов может быть вызвано не только негативным к ним отношением за их роль в распаде СССР, но и банальным незнанием этих исторических личностей.

Бывали случаи, когда на экзамене по истории России студенты, не сумев рассказать про события августа 1991 г. или же октября 1993 г., аргументировали

свою неготовность словами «я тогда ещё не родился». В данном контексте надо учитывать, что частое упоминание Великой Отечественной войны и И. В. Сталина в опросе говорит не столько о положительном восприятии этих событий и персон, сколько о том, что они «на слуху» у молодёжи. В то же время утверждать, что СССР и его феномен абсолютно не интересен студентам, или же воспринимается ими полностью негативно, было бы некорректно.

Показательным, на наш взгляд, является пример с недавним выходом компьютерной игры «Atomic Heart», выполненной в стиле советского футуризма. Ажиотаж, вызванный игрой, превзошёл самые смелые ожидания, что со всей очевидностью показывает пусть и специфический, но интерес к данной эпохе и её «маркерам».

С целью выявления качества знаний студентов первых курсов о СССР и о роли политики перестройки в его распаде в двух группах была проведена дискуссия на тему «СССР: успех или провал идеи коммунизма?». В общей сложности в дискуссии и фокус-группах приняло участие 60 человек из тех, кто отвечал на вопросы анкеты. Выборка студенческих групп была случайной. В ходе дискуссии студенты делились на подгруппы, одна из которых должна была доказать, а вторая опровергнуть успехи развития СССР, в т. ч. и неизбежность его распада.

С целью верификации знаний студентов об истории СССР были выделены 2 фокус-группы, в которых были предложены вопросы, связанные с историей государства на разных этапах его развития, в т. ч. и позднего СССР, включая перестройку и его распад. Анализ дискуссии и ответов в фокус-группах показал у молодого поколения наличие сте-

реотипов об истории страны и причинах распада СССР, которые сводились к социальным проблемам: низкие зарплаты, пустые полки, дефицит товаров, а также к репрессиям эпохи сталинизма. Во всех группах студенты продемонстрировали слабый уровень понимания сути политических процессов рубежа 1980–1990-х гг., в частности, политики гласности, событий августа 1991 г. Ряд понятий (путч, ГКЧП, парад суверенитетов, беловежское соглашение) студентам были знакомы, но дать им точное объяснение они не смогли.

При выяснении причин неудовлетворительных знаний по истории СССР студенты единодушно назвали:

– низкий уровень преподавания в школах (1/3 опрошенных сказали, что история практически не преподавалась в школе – причины разные);

– 4/5 опрошенных сказали, что не сдавали ЕГЭ по истории, поэтому и не учили предмет.

На уровне Саратовской области, исходя из полученных результатов исследований и эмпирических наблюдений, можно говорить об ограниченном кругозоре молодёжи по вопросу истории СССР и сохранности исторической памяти при наличии определённого интереса. Несмотря на положительные показатели результатов анкеты, по ряду вопросов в сочетании с ответами в фокус-группах подтверждается наличие вышеназванной тенденции. Причинами этой тенденции является не только поколенческий разрыв с событиями советского времени, но и «цифровой» фактор, выражающийся в «сетевом» плюрализме мнений, что влияет на формирование эффекта «исторической амнезии» среди молодёжи.

Дата поступления в редакцию 28.04.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбаков С. А. История образования СССР: дис. ... док. ист. наук. М., 1997. 429 с.
2. Барсенков А. С. Динамика государственно-политического развития СССР в 1985–1991 гг. и её итоги // Распад СССР: дискуссии о причинах, обстоятельствах и последствиях: сб. ст / отв.

- ред. С. В. Журавлев. М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2019. С. 68–85.
3. Болдин В. И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М. С. Горбачёва. М.: Республика, 1995. 445 с.
  4. Воронников В. И. Хроника абсурда: отделение России от СССР. М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. 317 с.
  5. Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.
  6. Гижов В. А., Учаев А. Н., Шалаева Н. В. Механизм формирования исторической памяти о Великой Отечественной войне в молодежной среде (по результатам регионального социологического опроса студентов Саратова и Волгограда) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 2. С. 57–62.
  7. Горбачёв М. С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. 399 с.
  8. Дегтярев А. Я. Исследование фундаментальных причин распада СССР – актуальная задача нашей науки // Российская история. 2021. № 6. С. 36–39.
  9. Дубнов А. Почему распался СССР. Вспоминают руководители союзных республик. М.: Индивидуум, 2019. 301 с.
  10. Журавлев С. В. К вопросу о способности советской системы к реформированию (на примере периода перестройки) // Распад СССР: дискуссии о причинах, обстоятельствах и последствиях: сб. ст / отв. ред. С. В. Журавлев. М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 420 с.
  11. Журавлев С. В. Пока больше вопросов, чем ответов // Российская история. 2019. № 2. С. 47–51.
  12. Здравомыслов А. Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М.: Аспект Пресс, 1996. 286 с.
  13. Зубок В. М. Кризис, реформы и разрушение СССР // Российская история. 2019. № 2. С. 30–39. DOI: 10.31857/S086956870004489-8
  14. История Коммунистической партии Советского Союза / отв. ред. А. Б. Безбородов. М.: Политическая энциклопедия, 2013. 670 с.
  15. Йерушалим Й. Захор: Еврейская история и еврейская память. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2004. 170 с.
  16. Касьянов В. В., Чупрынников С. А. Историческая память, социальная память: диалектика взаимодействия // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. № 4 (269). С. 54–61.
  17. Кокоулин В. Г. Инструменты формирования исторической памяти о Великой Отечественной войне // Историческая память о Великой Отечественной войне: проблемы эволюции, формирования и восприятия: мат-лы междунар. науч.-практич. конф. «Историческая память о Великой Отечественной войне: проблемы эволюции, формирования и восприятия». СПб.: Скифия-принт, 2022. С. 32–39.
  18. Коткин С. Предотвращенный Армагеддон: Распад Советского Союза, 1970–2000. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 252 с.
  19. Курапова Е. Р. Из истории деятельности Министерства экономики и прогнозирования СССР в 1991 году: последний год империи // Историко-экономические исследования. 2022. Т. 23. № 2. С. 327–329.
  20. Курапова Е. Р. Экономика на острие политики. Деятельность Министерства экономики и прогнозирования СССР в 1991 году. (По материалам РГАЭ) // Архив в социуме – социум в архиве: мат-лы IV научно-практической конференции / сост. Н. А. Антипин. Челябинск, 2021. С. 201–204.
  21. Лаптев И. Д. Власть без славы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 446 с.
  22. Логвенков И. С. Демонтаж СССР: историография причин, условий и факторов // Вестник Московского государственного университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2017. № 4. С. 129–145.
  23. Миронов Б. Н. От коренизации к суверенизации: как готовилась дезинтеграция СССР // Российская история. 2021. № 6. С. 3–24. DOI: 10.31857/S086956870017379-7

24. Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? / сост. А. П. Нена-роков и др. М.: ТЕРРА, 1992. 558 с.
25. Новосельцев Н. Р. Распад СССР (отечественная и зарубежная историография) // XX Духовно-исторические чтения: мат-лы региональной науч.-прак. конф. / науч. ред. Д. Н. Герлиев Крас-ноярск, 2017. С. 15–22.
26. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Нора П. и др. Франция-па-мять / пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 1999. С. 17–50.
27. Оников Л. А. КПСС: анатомия распада. Взгляд изнутри аппарата ЦК. М.: Республика, 1996. 221 с.
28. Оплетина Н. В., Трипольский В. Б. Великая Отечественная война в контексте формирования исторической памяти молодого поколения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 1 (63). С. 122–126.
29. Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985–2005. М.: Русь-Олимп: Астрель: АСТ, 2007. 554 с.
30. Пихоя Р. Г. О периодизации системного кризиса Советского Союза // Российская история. 2019. № 2. С. 3–29.
31. Положенцева И. В., Кащенко Т. Л. Феномен исторической памяти и актуализация личной исторической памяти студентов // Власть. 2014. № 12. С. 42–46.
32. Полторанин М. Н. Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса. М.: Эксмо: Алго-ритм, 2010. 509 с.
33. Прокофьев Ю. А. Как убивали партию. Показания первого секретаря МГК КПСС. М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. 250 с.
34. Пученков А. С., Рябова Л. К. Михаил Сергеевич Горбачёв: страницы из истории перестройки // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2022. Т. 23 Вып. 1. С. 287–297. DOI: 10.25991/VRHGAЮ2022.23.1.023
35. Пять лет после Беловежья. Что дальше? (Материалы круглого стола) / сост. Г. К. Прозорова. М.: Апрель-85, 1997. 166 с.
36. Репина Л. П. Феномен памяти в современном гуманитарном знании // Учёные записки Казан-ского университета. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 3. С. 191–201.
37. Романовский Н. В. Бум памяти // Новое в социологии 2011. № 6. С. 13–22.
38. Суни Р. Г. Национальный вопрос и распад Советского Союза // Российская история. 2021. № 6. С. 40–42.
39. Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. М.: Ассоциация «Книга. Просвещение. Мило-сердие», 1995. 574 с.
40. Семченков А. С. Историческая память о Великой Отечественной войне и обеспечение полити-ческой стабильности России // Вестник российской нации. 2015. № 3. С. 16–27.
41. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. С. Н. Зенкин. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
42. Шалаева Н. В., Учаев А. Н., Гижов В. А. Историческая память как ресурс управления прошлым и настоящим // Вопросы истории. 2021. № 12-1. С. 78–85.
43. Шахназаров Г. Х. Цена свободы. Реформация Горбачёва глазами его помощника. М.: Россика, Зевс, 1994. 623 с.
44. Шубин А. В. Основные проблемы и этапы перестройки // Российская история. 2019. № 2. С. 39–47.
45. Шубин А. В. Распад СССР: объективные причины и субъективные факторы // Россия и АТР. 2019. № 3. С. 23–48.
46. Яковлев А. Н. Предисловие. Обвал. Послесловие. М.: Новости, 1992. 288 с.
47. Durkheim E. The Elementary Forms of the Religious Life. Oxford University Press, 2008. 416 p.
48. Olick J. Between chaos and diversity: Is social memory studies a field? // International journal of politics, culture and society. 2009. Vol. 22. № 2. P. 249–252.

REFERENCES

1. Baibakov S. A. *Istoriya obrazovaniya SSSR: dis. ... dok. ist. nauk* [The history of the formation of the USSR: Dr. Sci. thesis in Historical sciences]. Moscow, 1997. 429 p.
2. Barsenkov A. S. [Dynamics of the state-political development of the USSR in 1985–1991 and its results]. In: Zhuravlev S. V., ed. *Raspad SSSR: obsuzhdeniye prichin, obvineniy i posledstviy: sb. st* [The collapse of the USSR: discussions about the causes, circumstances and consequences]. Moscow, Institut rossiyskoy istorii RAN Publ., Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2019, pp. 68–85.
3. Boldin V. I. *Krusheniye pyedestala. Shtrikhi k portretu M. S. Gorbachova* [The collapse of the pedestal. Strokes to the portrait of M. S. Gorbachev]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 445 p.
4. Vorotnikov V. I. *Khronika absurda: otdeleniye Rossii ot SSSR* [Chronicle of the absurd: the separation of Russia from the USSR]. Moscow, Eksmo Publ., Algoritm Publ., 2011. 317 p.
5. Gaidar E. T. *Gibel imperii. Uroki dlya sovremennoy Rossii* [The death of the empire. Lessons for modern Russia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 448 p.
6. Gizhov V. A., Uchaev A. N., Shalaeva N. V. [Mechanisms of formation of the Great Patriotic War historical memory among young people (based on the results of a regional sociological survey of students from Saratov and Volgograd)]. In: *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura* [Society: philosophy, history, culture], 2022, no. 2, pp. 57–62.
7. Gorbachev M. S. *Ponimaniye perestroyki... Pochemu eto vazhno seychas* [Understanding perestroika... Why is it important now]. Moscow, Alpina Biznes Buks Publ., 2006. 399 p.
8. Degtyaryov A. Ya. [Investigation of the fundamental causes of the collapse of the USSR is an urgent task of our science]. In: *Istoriya Rossii* [History of Russia], 2021, no. 6, pp. 36–39.
9. Dubnov A. *Pochemu raspalsya SSSR. Vspominayut religioznyye soyuzy respublik* [Why the USSR collapsed. Remember the leaders of the Union republics]. Moscow, Individuum Publ., 2019. 301 p.
10. Zhuravlev S. V. [To the question of the ability of the Soviet system to reform (on the example of the perestroika period)]. In: Zhuravlev S. V., ed. *Raspad SSSR: obsuzhdeniye o prichinakh, dokazatel'stvakh i posledstviyakh* [The collapse of the USSR: discussions about the causes, circumstances and consequences]. Moscow, Institut rossiyskoy istorii RAN Publ., Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2019. 420 p.
11. Zhuravlev S. V. [There are more questions than answers]. In: *Rossiyskaya istoriya* [Russian history], 2019, no. 2, pp. 47–51.
12. Zdravomyslov A. G. *Mezhnatsionalnyye konflikty v postsovetskom prostranstve* [Interethnic conflicts in the post-Soviet space]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1996. 286 p.
13. Zubok V. M. [Crisis, reforms and destruction of the USSR]. In: *Rossiyskaya istoriya* [Russian history], 2019, no. 2, pp. 30–39.
14. Bezborodov A. B., ed. *Istoriya Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza* [History of the Communist Party of the Soviet Union]. Moscow, Political Encyclopedia, 2013. 670 p.
15. Yerushalmi Y. [Zahor: Jewish history and Jewish memory]. Moscow, Mosty kultury Publ., Jerusalem, Gesharim Publ., 2004. 170 p.
16. Kasyanov V. V., Chuprynnikov S. A. [Historical memory, social memory: dialectics of interaction]. In: *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedeniye: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya* [Bulletin of the Adyghe State University, the series "Region studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology"], 2020, no. 4, pp. 54–61.
17. Kokoulin V. G. Instruments for the formation of historical memory of the Great Patriotic War]. In: *Istoricheskaya pamyat' o Velikoy Otechestvennoy voyne: problemy evolyutsii, formirovaniya i vzniknoveniya: mat-ly mezhdun. nauch.-praktich. konf. «Istoricheskaya pamyat' o Velikoy Otechestvennoy voyne: problemy evolyutsii, formirovaniya i vzniknoveniya»* [Historical memory of the Great Patriotic War: problems of evolution, formation and perception: materials of the International. scientific-practical. conf. "Historical Memory of the Great Patriotic War: Problems of Evolution, Formation and Perception"]. St. Petersburg, Scythia-print Publ., 2022, pp. 32–39.
18. Kotkin S. [Armageddon Averted: The Collapse of the Soviet Union, 1970–2000]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2018. 252 p.
19. Kurapova E. R. [Excerpts on the history of Ministry of Economy and Forecasting of the USSR in 1991: the last year of the empire]. In: *Istorko-ekonomicheskiye issledovaniya* [Journal of economic history & history of economics], 2022, vol. 23, no. 2, pp. 327–329.

20. Kurapova Ye. R. [Economics at the forefront of politics. Activities of the Ministry of Economics and Forecasting of the USSR in 1991 (according to the materials of the RGAE)]. In: Antipin A.N., ed. *Arkhiv v sotsiume – sotsium v arkhive: mat-ly IV nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Archive in society – society in the archive: materials of the IV scientific and practical conference]. Chelyabinsk, 2021, pp. 201–204.
21. Laptev I. D. *Vlast bez slavy* [Power without glory]. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2002. 446 p.
22. Logvenkov I. S. [Dismantling of the USSR: historiography of causes, conditions and factors]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 21. Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo)* [Bulletin of the Moscow State University. Series 21. Management (state and society)], 2017, no. 4, pp. 129–145.
23. Mironov B. N. [From korenizatsiia to sovereignty: How the disintegration of the USSR has been preparing]. In: *Rossiyskaya istoriya* [Russian history], 2021, no. 6, pp. 3–24.
24. Nenarokov A. P., ed. *Nesostoyavshiyasya yubiley. Pochemu SSSR ne otprazdnoval svoye 70-letiyey?* [A failed anniversary. Why didn't the USSR celebrate its 70th anniversary?]. Moscow, TERRA Publ., 1992. 558 p.
25. Novoseltsev N. R. [Disintegration of the USSR (domestic and foreign historiography)]. In: Gerliev D. N., ed. *XX Dukhovno-istoricheskiye chteniya: mat-ly povtoryayutsya nauch.-prakt. konf.* [2nd Spiritual and historical readings: materials of the regional scientific and practical. conf.]. Krasnoyarsk, 2017, pp. 15–22.
26. Nora P. [Between memory and history. Problems of places of memory]. In: Nora P. *France-memory* (Rus. ed.: Khapayeva D., transl. *Frantsiya-pamyat*. St.Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta Publ., 1999, pp. 17–50.
27. Onikov L. A. *KPSS: anatomiya raspada. Vzgl'yad apparata TSK* [CPSU: anatomy of decay. View from inside the apparatus of the Central Committee]. Moscow Respublika Publ., 1996. 221 p.
28. Opletina N. V., Tripol'skii V. B. [The Great Patriotic War in the context of the forming historical memory of young generation]. In: *Istoricheskiye, filosofskiyey, politicheskoyey i yuridicheskoyey nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice], 2016, no. 1, pp. 122–126.
29. Pikhoya R. G. *Moskva. Kreml. Vlast. Dve istorii odnoy strany. Rossiya na izlome tysyacheletiy. 1985–2005 gg.* [Moscow. Kremlin. Power. Two stories of one country. Russia at the turn of the millennium. 1985–2005]. Moscow, Rus-Olimp Publ., Astrel Publ., AST Publ., 2007. 554 p.
30. Pikhoya R. G. [On periodization of systemic crisis of the Soviet Union]. In: *Rossiyskaya istoriya* [Russian history], 2019, no. 2, pp. 3–29.
31. Polozhentseva I. V., Kashchenko T. L. [The concept of the historical memory and actualization of personal historical memory of the students]. In: *Vlast* [Power], 2014, no. 12, pp. 42–46.
32. Poltoranin M. N. *Vlast v trotilovom ekvivalente. Naslediye tsarya Borisa* [Power in TNT equivalent. The legacy of Tsar Boris]. Moscow, Eksmo Publ., Algorithm Publ., 2010. 509 p.
33. Prokofiev Yu. A. *Kak ubivali partiyu. Pokazaniya pervoy zashchity MGK KPSS* [How the party was killed. Testimony of the first secretary of the CPSU MGK]. Moscow, Eksmo Publ., Algorithm Publ., 2011. 250 p.
34. Puchenkov A. S., Ryabova L. K. [Mikhail Sergeevich Gorbachev: pages from history of perestroika]. In: [Herald of the Russian Christian Academy for humanities], 2022, vol. 23, iss. 1, pp. 287–297. DOI: 10.25991/VRHGAYu2022.23.1.023
35. Prozorova G. K., ed. *Pyat let posle Belovezhya. Chto dalshe?* [Five years after Belovezhya. What's next?]. Moscow, April-85 Publ., 1997. 166 p.
36. Repina L. P. [The phenomenon of memory in contemporary humanitarian knowledge]. In: *Uchonyye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnyyey nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series], 2011, vol. 153, book 3, pp. 191–201.
37. Romanovsky N. V. [Memory boom]. In: *Novoyey v sotsiologii* [New in sociology], 2011, no. 6, pp. 13–22.
38. Suny R. G. [The national question and the disintegration of the Soviet Union]. In: *Rossiyskaya istoriya* [Russian history], 2021, no. 6, pp. 40–42.
39. Ryzhkov N. I. *Desyat let velikikh potryaseniy* [Ten years of great upheavals]. Moscow, Assotsiatsiya «Kniga. Prosveshcheniye. Miloserdniye» Publ., 1995. 574 p.
40. Semchenkov A. S. [Historical memory of the Great Patriotic War and political stability protection of Russia]. In: *Vestnik rossiyskoy natsii* [Bulletin of Russian nation], 2015, no. 3, pp. 16–27.

41. Halbwachs M. *Les cadres sociaux de la mémoire* (Rus. ed.: Zenkin S. N., transl. *Sotsialnyye ramki pamyati*. Moscow, Novoye izdatelstvo Publ., 2007. 348 p.
42. Shalaeva N. V., Uchaev A. N., Gizhov V. A. [Historical memory as a resource for managing the past and present]. In: *Voprosy istorii* [Questions of history], 2021, no. 12-1, pp. 78–85.
43. Shakhnazarov G. Kh. *Tsena svobody. Reformatsiya Gorbachova glazami yego pomoshchnika* [The price of freedom. Gorbachev's reformation through the eyes of his assistant]. Moscow, Rossika Publ., Zeus Publ., 1994. 623 p.
44. Shubin A. V. [The main problems and stages of the history of «perestroika»]. In: *Rossiyskaya istoriya* [Russian history], 2019, no. 2, pp. 39–47.
45. Shubin A. V. [Collapse of the Soviet Union: objective reasons and subjective factors]. In: *Rossiya i ATR* [Russia and the Asia-Pacific Region], 2019, no. 3, pp. 23–48.
46. Yakovlev A. N. *Predisloviye. Obval. Poslesloviye* [Foreword. collapse. Afterword]. Moscow, Novosti Publ., 1992. 288 p.
47. Durkheim E. *The Elementary Forms of the Religious Life*. Oxford University Press, 2008. 416 p.
48. Olick J. Between chaos and diversity: Is social memory studies a field? In: *International journal of politics, culture and society*, 2009, vol. 22, no. 2, pp. 249–252.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маслов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

Курапова Елена Рудольфовна – кандидат исторических наук, заместитель директора Российского государственного архива экономики;
e-mail: curapova@mail.ru

Ефременко Валентин Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук МИРЭА – Российского технологического университета;
e-mail: valek-efr@mail.ru

Заец Дмитрий Вадимович – преподаватель кафедры гуманитарных и социальных наук МИРЭА – Российского технологического университета;
e-mail: za96ets@mail.ru

Учаев Антон Николаевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю. А.;
e-mail: uchaevan@gmail.ru

Шалаева Надежда Владимировна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Саратовского государственного университета генетики, биотехнологии и инженерии имени Н. И. Вавилова;
e-mail: shalaevanv@sgau.ru

Гижов Владимир Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Саратовского государственного университета генетики, биотехнологии и инженерии имени Н. И. Вавилова;
e-mail: gijov@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Dmitry V. Maslov – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Contemporary History of Russia, State University of Education;
e-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

Elena R. Kurapova – Cand. Sci. (History), Deputy Director, Russian State Archive of Economics;
e-mail: curapova@mail.ru

Valentin V. Efremenko – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Humanities and Social Sciences, MIREA – Russian Technological University;
e-mail: valek-efr@mail.ru

Dmitry V. Zayets – Lecturer, Department of Humanities and Social Sciences, MIREA – Russian Technological University;
e-mail: za96ets@mail.ru

Anton N. Uchaev – Dr. Sci. (History), Prof., Department of History and Cultural Studies of the Saratov State Technical University named after Yuri Gagarin;
e-mail: uchaevan@gmail.ru

Nadezhda V. Shalaeva – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Social and Humanitarian Sciences, Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering named after N. I. Vavilov;
e-mail: shalaevanv@sgau.ru

Vladimir A. Gizhov – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Social and Humanitarian Sciences, Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering named after N. I. Vavilov;
e-mail: gijov@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Советский союз: от образования до распада (материалы круглого стола-презентации в Центре социально-политической истории, Москва, 19 декабря 2022 г. Часть 2) / Д. В. Маслов, Е. Р. Куропова, В. В. Ефременко, Заец Д. В., А. Н. Учаев, Н. В. Шалаева, В. А. Гижов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 3. С. 149–178.

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-3-149-178

FOR CITATION

Maslov D. V., Kurapova E. P., Efremenko V. V., Zaets D. V., Uchaev A. N., Shalaeva N. V., Gizhov V. A. The Soviet Union: on the way to disintegration (Materials of the round table presentation at the center for socio-political history, Moscow, December 19, 2022. Part 2). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 3, pp. 149–178.

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-3-149-178